

ОСОБЕННОСТИ РЕДУЦИРОВАННОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОПОЗИЦИЙ В «ПАРЕНЕСИСЕ» ЕФРЕМА СИРИНА

Освещается одна из особенностей синтаксиса назидательных слов Ефрема Сирина (список XIV в.) – тенденция к усеченной репрезентации пропозиций, осуществляемой при помощи набора морфосинтаксических методов редукции; описываются конкретные механизмы усечения различных типов синтаксических структур, а также те коммуникативные факторы и жанровые особенности, которые обуславливают их применение в тексте.

Ключевые слова: моделирование элементарного простого предложения, типовая синтаксическая структура, редукция, морфосинтаксис, церковнославянский язык.

«Паренесис» Ефрема Сирина, древнейшие списки которого датируются X–XI вв., является одним из самых ранних переводных сборников назидательных слов в Древней Руси. В памятнике находят отражение как формирующиеся нормы церковнославянского языка, так и стилевые особенности жанра назидательного слова и языковые средства их выражения, что делает его ценным объектом для лингвистического исследования. В данной статье мы сосредоточим внимание на тенденции к редуцированной репрезентации синтаксических единиц в тексте «Паренесиса», выявим ее причины и опишем некоторые из характерных механизмов редукции.

План выражения синтаксической единицы представляет структурная схема – последовательность символов, обозначающих возможный способ морфологического выражения каждого компонента, планом же содержания является пропозиция – типовая обобщенная семантика предложения, его семантический инвариант, отражающий отношения между участниками ситуации [Кошкарёва, 2004]. Смысловым центром предложения и носителем основной информации о событии является предикат, семантические валентности которого определяют набор актантов и сирконстантов, необходимых для того, чтобы пропозиционное значе-

ние было передано в полном объеме [Теньер, 1988]. Классической формой репрезентации пропозиции является элементарное простое предложение, где каждая из обязательных позиций заполнена лексемой соответствующей частеречной принадлежности: позиция предиката – глагольной формой, связкой или словом категории состояния, позиции актантов – формами имен существительных и местоимений и т. д. Однако в рамках дискурса допустима редукция структурных схем: пропозиция может находить выражение в причастной или деепричастной конструкции, а также в отглагольном существительном или инфинитиве. Информация о событии при этом передается только частично, но контекст позволяет восполнить недостающие сведения об участниках ситуации и о соотносительности события с реальностью.

Особенностями синтаксиса «Паренесиса» являются высокая частотность случаев редуцированной репрезентации пропозиций и тенденция к максимальной степени свертывания. Как показал анализ выборки, в среднем по тексту пропозиции выражаются предикативно лишь в 40 % случаев, что позволяет говорить о преобладании структур, подвергшихся редукции; при этом причастные и деепричастные конструкции составляют менее половины последних. Особенно

многочисленны и разнообразны примеры свертывания синтаксических единиц до именных частей речи, которые на отдельных участках текста образуют целые серии: *да не днѣ ѡбо въздержанье и кротость. а ѡутрь пьянство и гордыни. да не днѣ безмолвье и бдѣныя. А ѡутро молва и сонъ насытенъ и непокоренья*¹ ‘не воздержанье и кротость один день, а наутро – пьянство и гордыня; не безмолвие и бдение один день, а наутро – молва и неумеренный сон и непокорность > вы не должны воздерживаться и быть кроткими один день, а наутро – пьянствовать и быть гордыми; вы не должны один день безмолвствовать и бдеть, а наутро – разговаривать, много спать и быть непокорными’.

Высокая пропозиционная плотность в сочетании с некоторой смысловой недостаточностью составляет характерную особенность стиля «Паренесиса» и объясняется, прежде всего, тематикой памятника и его предполагаемой целевой аудиторией. Поучения Ефрема Сирина были обращены к монашеству – социальной группе, которой предписывались определенный образ жизни и занятия и которая, вследствие этого, обладала относительно единообразным опытом. Ситуации, описываемые в тексте памятника, рассматриваются как пресуппозитивно известные читателю и, следовательно, легко достраивающиеся даже при отсутствии базовых сведений о локациях и участниках. Кроме того, согласно традициям произведений богословского содержания, текст «Паренесиса» насыщен аллюзиями к прецедентным текстам – Новому Завету, Псалтири, сюжеты из которых также должны были расцениваться писцом как общеизвестные.

Далее мы рассмотрим различные методы свертывания, ограничивая круг примеров именами с пропозиционной семантикой – одной из самых многочисленных и наиболее разнородных групп.

Отглагольные существительные

Согласно вербоцентрической теории предложения, именно сохранение событийной семантики глагола – центрального компонента предложения – принципиально для

полноценной передачи плана содержания синтаксической единицы, поэтому свертывание конструкции до отглагольного имени существительного, словообразовательно мотивированного глаголом-предикатом, считается стандартным способом редукции для современного русского языка. В тексте памятника этот механизм также является преобладающим типом непредикатной номинализации и применяется универсально, вне зависимости от семантики исходной модели и количества обязательных приглагольных распространителей: *сего рабѣ шюяго стоянья осужени быша* ‘поэтому [они] были осужены на стояние слева’ > они были осужены на то, чтобы они стояли слева (пропозиция местонахождения + каузация); *поману шшество* ‘вспомню об отходе’ > вспомню, что [я] отойду [от земного в Царствие небесное] (пропозиция движения + модус); *и не бойся разлученья телеси* ‘и не бойся отлучения тела’ > и не бойся, что твое тело кто-то отлучит [от души] (пропозиция перемещения + модус); *вы же грешнии въ студѣ бысте* ‘вы же, грешники, в стыде были’ > вы грешны, и вы стыдились (пропозиции характеристики и состояния); *несумнѣньемъ и удержаниемъ обрѣте ю* ‘верой и удержанием обрел ее’ > он обрел ее, так как не сомневался [в чем-то] и удерживал [ее]; *не ботѣсѣ поношени члвчѣкыхъ* ‘не бойтесь людских поношений’ > не бойтесь, что люди будут [вас] поносить; *николикѣ же моци имамъ навькнути ручнаго сего дѣла* ‘нет у меня никаких сил научиться этому ручному делу’ > у меня нет сил научиться, чтобы я делал [что-то] руками’ (акциональные пропозиции); *подобно же і се искушаемъ бываетъ сотоною своимъ невѣжствомъ* ‘так же и сатаной [некто] бывает искушаем из-за своего невежества’ > сатана искушает кого-то, так как [он] невежественный (пропозиция характеристики); *не дастъ помысла своего в печали земныхъ вещи но токѣмо в любовь бѣю* ‘не отдаст своих мыслей в заботы о земных вещах, но только в любовь божью’ > но только в то, что Бог [его] любит (пропозиция эмотивного отношения).

Как следует из приведенных примеров, обязательным элементом для свернутых конструкций являются девербативы, заме-

¹ Текст приводится по Троицкому списку.

щающие предикат, в то время как актанты и сирконстанты получают выражение выборочно, в зависимости от своего коммуникативного статуса, могут появляться не в полном составе или отсутствовать вообще. Так, если конструкция [*не дать помысла своего в печали земныхъ вещи но токѣмо*] в *любовь бию* в трансформированном виде содержит единственный необходимый для пропозиции состояния глагольный распространитель – субъект (*б[ожи]ю*), то в примере с пропозицией перемещения *и не боисѣмъ разлученья телеси* из непредикатных позиций субъекта, директива-старта, директива-финиша, трассы, инструмента и объекта заполненной оказывается только последняя. По причинам, освещавшимся ранее, полное устранение предикатных распространителей характерно, прежде всего, для пропозиций, описывающих события, к которым богословская литература обращается наиболее регулярно, с известным распределением ролей и пространственным характеристиками. Лексемы *Богъ*, *дьяволь*, *адъ*, *раи* и синонимичные им маркируют подобные ситуации и усекаются при свертывании особенно часто (см. выше примеры *поману шшествоие*, *кдѣ взданье юсть*).

Субстантивация предиката в тексте памятника, как правило, влечет за собой словообразовательные изменения во всех связанных с ним актантах и сирконстантах: для установления согласовательной подчинительной связи имена существительные, местоимения и наречия трансформируются в прилагательные (*не ботесѣ поношени члвчскыхъ* – субъект *люди* > *человеческие*; *сего радъ шюяго стоянья осужени быша* – локализатор *ошюю* > *шюю*; *искушаемъ бываеть сотоною своимъ невѣжствомъ* – субъект *он* > *свой*). Исключение представляют объекты, которые сохраняют отношения управления с лексемой событийной семантики как в развернутых, так и в свернутых конструкциях и не подвергаются изменениям (*и не боисѣмъ разлученья телеси*).

Сложные образования на основании девербатов

Одним из ярких проявлений тенденции к экономии языковых средств в «Паренеси

се» является широкое применение словосложения как способа включения в лексему с событийной семантикой дополнительной информации об участниках ситуации. Сложные слова многочисленны в тексте памятника, и только немногие из них, согласно словарным материалам, имеют семантику, не эквивалентную значению, передаваемому соответствующим развернутым словосочетанием. Так, в приведенных ниже контекстах сложные существительные *сребролюбые*, *блѣодѣянье* и *члѣколюбие* выражают обобщенные понятия – ‘корыстолюбие, алчность, жадность’ [Словарь русского языка..., 1975. Вып. 27. С. 131], ‘доброе дело, помощь’ [Там же. Вып. 1. С. 202] и ‘милосердие’ [Срезневский, 1989. Т. 3. Ст. 1490] соответственно: *кдѣ тогда сребролюбые* ‘где тогда сребролюбие?’; *в млтвѣ вашей и въ блѣодѣяньи вашемъ* ‘в вашей молитве и вашем благодѣянье’; *похвали юбо члѣколюбие юго* ‘похвали его человеколюбие > похвали его милосердие’.

Напротив, сложные имена из следующего блока примеров либо получают толкования в виде исходного мотивирующего словосочетания или его части (*братолюбые* – ‘любовь к брату, ближнему’ [Словарь русского языка..., 1975. Вып. 1. С. 323], *мъздовъзданье* – воздаяние [Там же. Вып. 9. С. 146] и т. д.), либо вообще не находят отражения в словарях, вероятно, по причине нерегулярного употребления в корпусе церковнославянских текстов (*похотолобивыйи*, *юмопогубители*). Слабая включенность этих существительных в лексическую систему церковнославянского языка свидетельствует о том, что они скорее конструируются в процессе свертывания синтаксических структур, чем воспроизводятся как готовые единицы: *но юмопогубители другаго же множицею понудить помысль глѣ, рабе лѣнивыйи похотолобивыйи* ‘раб ленивый, похотелюбивый’ > раб ленивый, который любит похоть’; *свѣдѣтель ми юсть сердцеведець гсѣ* ‘свидетель мне сердцеведец Господь’ > свидетель мне – Господь, который ведает сердца; *и братолюбья не възлюбилъ юси* ‘и братолюбия не возлюбил’ > и не полюбил того, чтобы любить брать-

ев'; и несповѣдимо мздовъзданье 'и неисповедимо мздовозданье' > и неисповедимо, какую мзду [Бог] воздаст кому-то; *принесуть бо ему уныние в малое рукоделанье* 'принесут ему уныние в рукоделье' > делают так, что он будет испытывать уныние, когда делает что-то руками.

Обилие примеров такого рода позволяет нам заключить, что словосложение регулярно используется в «Паренесисе» как метод структурирования текста: слияние планов выражения имени с предикатной семантикой и одного из предикатных распространителей структурно упрощает предложения и вместе с тем повышает степень их информационной насыщенности. В большинстве случаев редуцированию до основы в составе сложной лексемы подвергаются существительные, занимающие позицию объекта или, реже, инструмента в акциональных пропозициях, однако в выборке был отмечен также и единичный пример инкорпорации в предикат сирконстанта (*землелеганию*).

Отадъективные субстантивы

Группу пропозиций, свернутых до имени существительного, которое было образовано путем субстантивации из прилагательного, составляют единичные примеры, многократно повторяющиеся в тексте памятника: *паче задняя забывшее передняя стлжамимь* 'забыв заднее, обретем переднее' > забыв то, что [есть] позади, обретем то, что [есть] впереди.

В приведенном контексте представлены пропозиции местонахождения, коммуникативным центром которых является информация о локации, заключенная в сирконстанте, в то время как позицию предиката может занимать семантически пустая связка. При стандартном механизме редукции для сохранения ключевой информации о ситуации при девербативе необходим был распространитель с пространственной семантикой (ср. с рассмотренным выше примером *сега радъ шюяго стоянья осужени быша*), однако применение альтернативного метода, при котором объектом номинализации становится не предикат, а сирконстант, позволяет сократить конструкцию максимально. Процесс словообразовательной трансформации при этом ос-

ложняется и становится многоступенчатым: исходное наречие заменяется однокоренным прилагательным, которое затем субстантивируется в форме множественного числа среднего рода. Отличительными особенностями этого метода являются его отнесенность к конкретному типу пропозиций и нерегулярность применения в сравнении со стандартным механизмом непредикатной номинализации. Для разрешения вопроса о его продуктивности в церковнославянской языковой системе необходимо исследование, охватывающее более широкий круг источников.

Существительные, не мотивированные предикатом

Другим способом редукции, сфера применения которого ограничена конструкциями с определенной типовой семантикой (в данном случае акциональной), является свертывание конструкции в существительное, не выражающее пропозиционного значения и занимающее в исходной структуре позицию объекта. Нередко такие лексемы относятся к классу конкретно-вещественных существительных (*книга*), однако могут иметь и более абстрактную семантику (*вещь, привидѣнье*): *испытующеѣ въ книгахъ* 'будучи испытанными в книгах' > будучи испытанными в том, как [читали] книги; *наказующе себе въ пѣлмэхъ и и въ пѣсѣхъ дѣвныхъ* 'поучая себя в псалмах и духовных песнях' > некто поучает себя, читая псалмы и духовные песни; *не мирьски бореться в житискихъ вещехъ* 'не мирскому борется в обыденных вещах' > не по-мирски борется, [имея / воспринимая / делая] обыденные вещи; *побѣдивъ съ блжѣнымъ в различныхъ привидѣньихъ* 'дьявол был побежден блаженным в привидениях' > [дьявол] был побежден блаженным, когда [создавал / призывал / использовал] привидения.

Как и в описанном выше механизме свертывания пропозиций местонахождения, предикат в этих конструкциях рассматривается как элемент, несущий в себе факультативную информацию о ситуации, несмотря на свою семантическую полноценность по сравнению со связочными предикатами, характерными для моделей бытийно-про-

странственного блока. Низкая коммуникативная значимость предиката может объясняться двумя причинами.

Во-первых, в сознании носителей языка существительное-объект вызывает ассоциации с определенным видом деятельности. Пресуппозитивное знание о том, как используются предметы некоторого класса во внеязыковой реальности, позволяет читателю предположить связь объекта с определенным действием и восстановить, таким образом, информацию о событии, которая не отражается в плане выражения, но подразумевается. Так, в контекстах *испытующеѣ въ книгахъ и наказующе себе въ пѣлмэхъ* лексемы *книга* и *псаломъ* могут быть соотнесены с действиями, обозначаемыми глаголами *читати* и *пѣти*, как в наибольшей степени соответствующими прямому, общеизвестному назначению книги и псалма.

Во-вторых, объект является коммуникативным ядром высказывания, актуальна именно информация о факте его наличия в ситуации наряду с субъектом, вне зависимости от того, какое воздействие стало результатом их взаимодействия. Такой коммуникативной структурой обладают высказывания *миръски бореться в житискихъ вещехъ* (субъект вступает в контакт с предметами, которые характеризуются как мирские, что накладывает отпечаток на его душевное состояние, детали их взаимодействия не имеют значения) и *побѣдивъ съ блжѣнымъ в различныхъ привидѣньихъ* (подчеркивается то обстоятельство, что в борьбе со святым дьявол прибегал к помощи привидений, но все-таки потерпел поражение).

Таким образом, анализ конструкций, подвергнувшихся редукции, в тексте «Паренесиса» подводит нас к ряду выводов об особенностях репрезентации синтаксиче-

ских единиц в памятнике. Высокая частотность полусвернутых и, в особенности, свернутых пропозиций по сравнению с развернутыми свидетельствует о выраженной тенденции к экономии языковых средств, обусловленной тематической спецификой памятника, его органической связью с христианскими прецедентными текстами. Процессы непредикатной номинализации протекают не единообразно, но в соответствии с коммуникативной организацией и типовой семантикой конструкций – в общей сложности по выборке было выявлено четыре основных механизма свертывания до именной словоформы, три из которых применяются в тексте регулярно. Многообразие типов редуцированной репрезентации пропозиций позволяет применять свертывание в качестве инструмента информационного структурирования текста.

Список литературы

Кошкарёва Н. Б. Пропозиция и модель (на материале предложений перемещения в языках Сибири) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. Вып. 4. С. 70–80.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.

Список словарей

Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1975. Вып. 1–27.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М.: Книга, 1989. Т. 1–3.

Материал поступил в редколлегию 20.08.2013

V. A. Gorbunova

MECHANISMS OF REDUCTIVE REPRESENTATION OF PROPOSITIONS IN EPHRAEM SYRUS'S «PARAENESIS»

The article analyzes the syntax of «Paraenesis» of Ephraem Syrus (copy dated to the XIV century), focusing on the tendency towards representing propositional semantics in a reductive way with the use of morphosyntactic mechanisms. The specific methods of reduction are discussed with regard to the impact of cultural context as well as literary traditions typical for the didactic genre.

Keywords: modeling of simple sentence, typical syntactical structure, reduction, morphosyntax, Old East Slavic.